

Временные — в Смольном

Н. А. Синдаловский

В 1980 году один из ведущих или, как стали говорить потом, культовых режиссеров советского времени Сергей Бондарчук снимал в Ленинграде, на Дворцовой площади эпизоды штурма Зимнего дворца для своего фильма «Красные колокола».

Известно, что одной из побудительных причин сфабрикованного Сталиным в 1949 году так называемого «Ленинградского дела» стало якобы вынашиваемое после окончания войны ленинградскими руководителями преступное желание превратить Ленинград в столицу Российской Федерации. Дело было, что называется, шито белыми нитками. Однако всем стало понятно, что любая попытка возрождения утраченного статуса бывшей столицы Российской империи Москвой будет беспощадно подавляться. В этой связи практика делегирования на руководство в Ленинграде московских членов ЦК, какими были и Зиновьев*, и Киров, и Жданов, оказалась ошибочной. Слишком велики и опасны были их властные политические амбиции. Ленинградом должны руководить простые и скромные, ничем особенным не выдающиеся, но исключительно преданные и исполнительные рядовые солдаты партии, способные послушно произносить чеканное «Есть!» еще до того, как прозвучит команда сверху.

В таком контексте становится понятным, почему не многие партийные руководители Ленинграда той поры привлекали внимание городского фольклора, особенно того, что навсегда сохранился в его арсеналах. Фольклор избирателен. Ему неинтересны люди заурядные, неяркие и невыразительные. В этом смысле ничего не осталось от Фрола Романовича Козло-

ва, руководившего Ленинградом с 1953 по 1957 год. Не удостоился такой чести и первый секретарь Ленинградского обкома КПСС с 1957 по 1962 год Иван Васильевич Спиридонов. Его имя, кажется, вообще выпало из совокупной памяти современных петербуржцев. Как и имя Юрия Филипповича Соловьева, в 1970–1980-е годы занимавшего в Ленинграде посты первых секретарей то горкома, то обкома КПСС.

Больше повезло Василию Сергеевичу Толстикovu. Может быть потому, что занимал он должность первого секретаря Ленинградского обкома КПСС довольно значительное время, более восьми лет, с 1962 по 1970 год. Биография Толстикова была типичной для партийного выдвиженца. Он окончил Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. Работал в строительных организациях. С 1952 года подвизался на партийной работе. По воспоминаниям ленинградцев, это был обыкновенный партийный чиновник, простодушие которого граничило с обыкновенной глуповатостью. По сохранившимся от того времени легендам, скорее похожим на анекдоты, можно легко судить об умственных достоинствах первого секретаря. Рассказывают, что однажды во время приема американских конгрессменов на вопрос о показателях смертности в Ленинграде Толстикov ответил: «У нас в Ленинграде смертности нет». По другой, не менее анекдотичной легенде, после просмотра нового кинофильма «Проводы белых ночей», в которой есть выразительная сцена развода Дворцового моста, Толстикov пришел в ярость, топал ногами и брызгал слюной от злости: «Я вас сотру в порошок! — кричал он. — Вот тут у вас молодые

люди гуляют, а перед ними поднимается бетонный мост, что это за символ?»

В 1970 году карьера Толстикова в Ленинграде неожиданно оборвалась. Он был назначен чрезвычайным и полномочным послом в Китайскую Народную Республику. Говорят, в чем-то провинился перед Москвой.

Первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романов

После Толстикова пост первого секретаря Ленинградского обкома КПСС занял Григорий Васильевич Романов — личность наиболее характерная для того времени. Деятельный и инициативный комсомольский работник, сделавший блестящую партийную карьеру, Г. В. Романов в глазах большинства ленинградцев стал олицетворением партийно-бюрократического ханжества и чванства эпохи застоя и загнивания социализма. Он являл собой вполне убедительный образ самодовольного чиновника, излучавшего рекламное благополучие. В том было столько фаль-

* Зиновьев стал членом ЦК еще в Петрограде. Этот ЦК в 1918 г. переехал в Москву. — Ред.

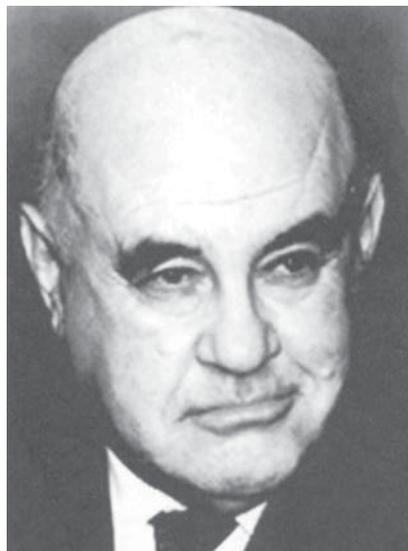
ши и лицемерия, что реакция городского фольклора оказалась молниеносной. Очень скоро имя Г. В. Романова вошло в пословицы и поговорки. «Зимний стоит, Елисеев торгует, Романов правит» – стало чуть ли не визитной карточкой того времени. Имя первого секретаря вошло составной частью в неофициальную ленинградскую топонимику. Одна из самых известных кабинетных выдумок Романова – комплекс защитных сооружений Ленинграда от наводнений, или попросту «Дамба», была всенародно признана его детищем и в народе получила соответствующее имя-отчество: «Дамба Романовна». Правда, не питая на этот счет особенных иллюзий, осмотрительные горожане заранее сформулировали свое отношение к знаменитому проекту века: «Петр Романов пробил окно в Европу, а Григорий Романов закрыл его дамбой».

О Г. В. Романове слагали легенды и рассказывали анекдоты: «Вы не знаете, почему Невский перекопали?» – «Романов потерял свою любимую заколку». Романову были посвящены детские дворовые игры и забавные школьные страшилки. Далеко не все представители царской фамилии могли похвастать таким количеством фольклора о себе, как Г. В. Романов. Даже инициалы Григория Васильевича стали объектом фольклора и, в конце концов, заслонили собой фамилию первого секретаря. За глаза его стали называть «ГэВэ».

Надо сказать, что фамилия Григория Васильевича вообще стала исключительно удобной мишенью для остроумных сопоставлений и ядовитых противопоставлений. Общая с русскими монархами фамилия счастливого однофамильца породила множество косвенных ассоциаций и прямых аналогий. Расхожей поговоркой того времени стала фраза: «Живет Романов по-романовски». Вариации на тему «династической» фамилии продолжались в прозвищах. Даже в коридорах Смольного его иронически называли «Последним Романовым». Ядовитой иронией пронизаны бесчисленные анекдоты о телефонных разговорах между некогда покинувшими свою родину

бывшими петербуржцами и оставшимися в Ленинграде их родственниками и друзьями: «А в сквере, где раньше стоял памятник Екатерине, что сейчас?» – «Памятник Екатерине». – «А напротив, где был магазин Елисеева?» – «Магазин Елисеева». – «А там, где был Зимний?» – «Зимний». – «А кто правит?» – «Романов». – «Господи, тогда я срочно возвращаюсь».

Жил Романов на Петроградской стороне, в современном доме, построенном в 1964 году рядом с Домиком Петра I, вблизи улицы Куйбышева, бывшей Большой Дворянской. Дом был заселен известными общественными деятелями и представителями высшей партийной номенклатуры. В фольклоре его до сих пор называют «Дворянским гнездом». Популярный ленинградский режиссер Александр Белинский сохранил в памяти театральную байку об актере Николае Симонове, который, стоя на Петровской набережной, будто бы говорил ему, указывая на Домик Петра I: «Шура, посмотрите, в этом маленьком домике жил Романов высокого роста, которого история назвала Петром Великим, а в этом большом доме живет Романов маленького роста. Интересно, как его потом будут называть?» Между прочим, в «Словаре тюремно-лагерно-блатного жаргона» этот дом известен под названием «Дом Гришки Романова», в отличие от хорошо знакомого петербуржцам

Художественный руководитель
Театра музыкальной комедии
А. А. Белинский

Народный артист СССР
Н. К. Симонов

«Дома Гришки Распутина» на Горюховой улице, 64.

Очевидцы рассказывают об ежедневном обязательном ритуале, который, не смущаясь окружающих, совершали охранники, сопровождавшие Романова домой после работы в Смольном. Как только машина останавливалась, следовало сообщение по рации: «Первый прибыл на объект». Среди малолетних жителей этого «объекта» родилась уникальная игра, которая так и называлась: «Первый прибыл на объект». Участниками этой детской игры были: Первый, Охранник, Телхранитель и Шофер. К сожалению, мы не знаем интонационной окраски этой диковинной дворовой забавы. Зависть? Ирония? Равнодушие?.. Но в нашем собрании городского фольклора есть школьная страшилка – образец одного из популярнейших жанров ребячьего мифотворчества, зарождавшегося как раз в те годы:

*Дети играли
В Сашу Ульянова,
Бросили бомбу
В машину Романова.*

Загородная дача Романова находилась в живописном ближнем пригороде Ленинграда – в Осиновой Роше. Поселок с таким названием расположен в 20 километрах от Петербурга на развилке Выборгского и Приморского шоссе. История его названия – это яркий пример того, как народная, неофици-

циальная топонимика, в какой-то момент оказавшись более сильной и жизнеспособной, начинает подавлять официальную и в конце концов вытесняет ее как с географических карт, так и из сознания самих жителей. Никаких осин, как это должно следовать из современного названия поселка, в этих местах никогда не было, а название произошло от самых обыкновенных ос, которые здесь водились в исключительном изобилии. В прошлом поселок назывался не Осиновой, а Осинной Рощей. Во всяком случае, в широко известном «Описании российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного» И. Георги, впервые изданном в 1794 году, можно прочитать о деревне Осиная Роща, «которая находится при Черной речке, впадающей в Сестру».

В первой половине XIX века в Осиновой Роще находилась старинная родовая усадьба князей Вяземских, слывших в светских кругах Петербурга богатыми и гостеприимными хозяевами. В старом Петербурге топоним Осиновая Роща вообще употреблялся редко. Чаще всего вместо него говорили: «Усадьба Вяземских», или вообще: «Маленькая Швейцария», куда любили съезжаться любители загородных прогулок и дружеских пикников.

Владелец усадьбы увлекался карточной игрой, впадая в азарт всякий раз, когда проигрывал. Однажды, как гласит давнее предание, играя в карты со своим ближним соседом Левашевым, князь Вяземский так проигрался, что дело дошло до усадьбы, которая в азарте также была брошена на кон. Но везение окончательно покинуло князя. Он проиграл и господский дом, и служебные корпуса, и хозяйственные постройки, и сад, и все, что было вокруг. Князь с ужасом огляделся кругом и не увидел ничего, что могло бы принадлежать ему... кроме трех взрослых дочерей, давно уже ожидавших своего девичьего счастья. «Левашев, а не хотите ли одну из них... в жены... вместо усадьбы», – с робкой надеждой воскликнул Вяземский. Предложение неожиданно понравилось. Сделка состоялась. Злополучная усадьба вновь перешла к Вязем-

кому. Таковы были люди и нравы XIX века, включает легенда.

О судьбе Осиновой Рощи во времена Романова рассказывает еще одна легенда, весьма близкая по смыслу к рассказанной выше. Как при «проклятом царизме», так и при советской власти, как утверждает фольклор, судьбы людей во многом зависели от случайного каприза хозяев или владельцев богатых усадеб. Рядом с великолепным домом первого секретаря стояли три деревянных домика местных жителей. Случилось так, что в одном из них, без согласования с «высоким соседом», однажды справляли свадьбу. По традиции, свадебное застолье сопровождалось веселой громкой музыкой и нестройным шумным пением. В разгар праздника в доме неожиданно появился милиционер и достаточно вежливо попросил прекратить шум. Просьба вызвала недоумение и, конечно, осталась без ответа. Через какое-то время в дом ворвались уже три человека в форме и категорически потребовали тишины. Когда и это не помогло, во всем поселке отключили электричество. Свадьба осталась без света. Но продолжалась... при свечах и с песнями. Больше представителей власти никто не видел. Но через три дня конфликт, о котором начали было забывать, приобрел неожиданное продолжение. Жителям всех близлежащих домов предложили новое жилье в Ленинграде, а их дома в Осиновой Роще снесли. Как говорится, нет домов – нет проблем.

Таким же авторитарным был весь стиль деятельности первого секретаря. Подтверждение этому мы находим в городском фольклоре. С именем Г. В. Романова связано появление в Петербурге концертного зала «Октябрьский», построенного к 50-летию Октябрьской революции. Идея будто бы принадлежала самому первому секретарю обкома КПСС, и он лично курировал проектирование здания. Но когда проект был уже готов и времени для его реализации оставалось мало, выяснилось, что место для строительства вообще не определено. Исполнители нервничали,

постоянно напоминая об этом Григорию Васильевичу. Однажды, как рассказывает легенда, такой разговор зашел в машине первого секретаря по пути от Московского вокзала в Смольный. Романов не выдержал и махнул рукой: «Вот здесь и стройте!» Машина в тот момент проезжала мимо Греческой церкви, построенной в 1861–1865 годах усилиями греческой общины Санкт-Петербурга вблизи греческого посольства.

Так, если верить легенде, была решена судьба этой церкви*. Она была снесена, и на ее месте действительно в 1967 году был открыт новый концертный зал, построенный по проекту архитекторов В. А. Каменского, Ж. М. Вержбицкого и А. В. Жука и названный громко и символично – «Октябрьский». Во всяком случае, именно этим поспешным и, по всей видимости, случайным решением первого секретаря обкома можно объяснить поразительную недостаточность пространства, в которое буквально втиснут архитектурный объем здания, окрещенного в народе «Коробкой».

В 1970-х годах в Ленинграде появилась новая форма ресторанного обслуживания населения. Это были плавучие рестораны, представлявшие собой списанные пассажирские или учебные суда, пришвартованные к невским набережным. Их было несколько. В народе их называли «Плавучками» и «Поплавками», хотя все они имели официальные названия. Ресторан «Корюшка» стоял у причальной стенки набережной Лейтенанта Шмидта. «Парус» – у стадиона имени В. И. Ленина. Еще один плавучий ресторан был причален к стенке у Дворцового моста. Затем этот ресторан исчез. Причем исчез как-то незаметно. Вскоре появились легенды. Сразу две. По одной, ресторан затонул во время какого-то большого праздника, разумеется, со всеми пережившими посетителями, поварами, матросами и официантами. Водолазы во время подъемных работ якобы, к немалому восхищению праздной публики, возвращались на поверхность с авоськами коньяка и шампанского.

* Г. В. Романов тут ни при чем. Греческая церковь была разрушена в 1962 г. – первым секретарем Ленинградского обкома КПСС он стал только через 8 лет. – *Ред.*

Греческая церковь Св. великомученика Димитрия Солунского.
Фото 1900-х гг.

Другая, сентиментальная, в полном соответствии с традициями соцреализма, легенда рассказывает о простом советском человеке, который, гуляя однажды по набережной Невы, захотел зайти в ресторан. В ресторан его не пустили и даже довольно грубо обошлись с ним, и он, оскорбленный в лучших своих чувствах, бросился в ближайший райком партии. Справедливость восторжествовала. К плавучке «подошли милицейские катера и буксиры, ресторан вместе с посетителями и администрацией вывели в залив, оттащили к Лахте, вышвырнули на мелководье, заставив несчастных по пояс в воде брести к топкому берегу». Наутро явился ОБХСС и устроил грандиозную проверку. Вся администрация была арестована.

Простым советским человеком оказался первый секретарь ленинградского обкома КПСС Григорий Васильевич Романов, имевший, оказывается, в то время привычку прогуливаться по городу без личной охраны и бронированного автомобиля.

Между тем на фоне крикливой идеологической трескотни о впечатляющих успехах советской экономики катастрофически пустели прилавки магазинов. Людей буквально парализовывало щемящее чувство безвыходности, тупика, в котором оказалась страна. Беспросветное положение дел на продовольственном фронте время от

времени фиксировал бесстрастный городской фольклор.

Возвращается купец Елисейев из мира иного в наше время. И сразу – в свой магазин на Невском. Смотрит – интерьеры вроде в порядке, иллюминация – тоже. «Все будто бы по-прежнему, – в недоумении замечает он, – магазин мой торгует. Романовы у власти... Только вот у входа стояло у меня по бочке икры – красной и черной, – кому они мешали?»

А ведь Гастроном № 1, как тогда назывался знаменитый Елисейевский магазин, снабжался, по сравнению с другими магазинами, неплохо. Не зря в уста Екатерины II, что памятником стоит на противоположной стороне Невского проспекта в Екатерининском сквере, остроумные ленинградцы вложили всего две убийственные строчки:

Памятник Екатерине II. Скульптор М. О. Микешин,
архитекторы Д. И. Grimm и В. А. Шретер

*Смотрите, детки,
Как ели ваши предки.*

Конечно, икра, по советским меркам, вовсе не предмет первой необходимости. Ее могло и не быть. Но постепенно начали исчезать и другие товары. И без того небогатый набор продуктов первой необходимости сводился к десятку наименований, за которыми устраивались бесконечные многочасовые очереди. К миллионам ленинградцев прибавились тысячи иногородних покупателей, для которых Ленинград при всей скудости своего продовольственного ассортимента выглядел настоящим зеленым оазисом в безбрежной пустыне голых прилавков сельскохозяйственной провинции. Свидетельствует городской фольклор того времени:

Приехал в Ленинград И. И. Сенькин, первый секретарь Карельского обкома КПСС. Гуляют они по Невскому с первым секретарем Ленинградского обкома Г. В. Романовым. Все проходящие здороваются с Сенькиным: «Здравствуйте, Иван Ильич!» – «Здравствуйте, Иван Ильич!» Романов обиделся. «Что это вы так популярны в Ленинграде?» – «А это не ленинградцы. Это наши карелы за мясом приехали».

Идут по Садовой улице русский и американец. Видят: на углу огромная толпа. «Что это?» – спрашивает американец. Русский подходит к толпе и вскоре возвращается. «А-а, это яблоки выбросили», – успокаивает он американца. Американец извиняется, подходит к толпе, заглядывает внутрь. Возвращается. «Да, у нас такие тоже выбрасывают», – соглашается он.

Стоит человек перед пустым прилавком мясного магазина и материт Романова. Его тут же забирают в КГБ, где вежливо интересуются, чем же так не угодил гражданину товарищ Романов. «А тем, что триста лет Романовы правили, а продуктов не смогли заготовить и на семьдесят».

Тогда же появился анекдот про постановление Ленсовета о переименовании знаменитого в городе кондитерского магазина «Мечта», что с незапамятных времен находился на Невском проспекте, в магазин «Утраченные иллюзии».

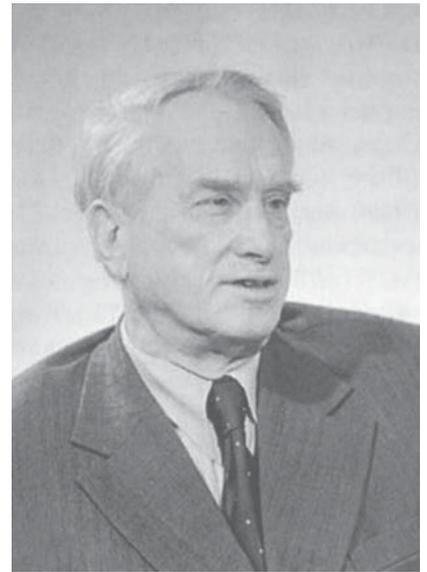
В тех условиях стали еще более напряженными и непредсказуемыми взаимоотношения власть предержащих и простого народа, особенно той его части, которую принято называть творческой интеллигенцией. Участились случаи невозвращения из-за границы артистов оперы и балета. Рассказывают, что перед одной из зарубежных поездок труппы Кировского театра Романов вызвал к себе его директора. «Почему после каждой заграничной поездки вы недосчитываетесь несколько человек? – сурово спросил первый секретарь, – Почему от вас уходят артисты?» – «Это не от нас, а от вас уходят», – будто бы ответил директор.

И тут же после очередных гастролей не вернулся Михаил Барышников. Ленинград облетел короткий, как выстрел, анекдот: «Вы слышали, в Кировском театре в антрактах торгуют конфетами «Мишка на западе?» Напомним, что в то время самыми популярными и, понятное дело, дефицитными в Ленинграде были конфеты «Мишка на севере».

Впрочем, «любовь» первого секретаря и ленинградской интеллигенции была взаимной. Рассказывают, что Г. В. Романов долго противился открытию Музея-квартиры Александра Блока. Он хорошо понимал, что это будет еще один центр формирования общественного мнения. Но в конце концов с трудом согласился. Скрепя сердце и скрипя зубами. Будто бы при подписании окончательного решения промолвил: «Пусть это будет последний литературный музей в Ленинграде».

В скандальной мифологии эпохи застоя особое место занимает шумевшая легенда о необыкновенно роскошной свадьбе дочери Григория Васильевича, устроенной им будто бы в Таврическом дворце, среди великолепных интерьеров блестящего екатерининского вельможи. Мало того, для свадебного стола хозяин Ленинграда будто бы приказал взять из Эрмитажа царский парадный сервиз на сто сорок четыре персоны.

Легенда эта неоднократно и публично оспаривалась на самых разных уровнях – от самого Григория Васильевича до директора Эрмитажа Бориса Борисовича

Академик АН СССР
Б. Б. Пиотровский

Пиотровского, который на многочисленные вопросы журналистов неустанно отвечал категорическим «Нет!» Оставим этот спор на совести оппонентов. Мы же находимся на территории фольклора и оперируем только легендами и мифами. Вот и среди работников Эрмитажа до сих пор бытует легенда о том, как началась экспроприация этого музейного экспоната. На неожиданный звонок из Смольного Борис Борисович, как утверждает фольклор, решительно заявил: «Только через мой труп». Но когда в трубке с холодной партийной твердостью ответили, что это не является серьезным препятствием, сказался больным и уехал домой. Через некоторое время к парадному подъезду Эрмитажа подъехала черная лакированная машина, из которой вышли решительные молодые люди в одинаковых черных костюмах. В сопровождении заместителя Пиотровского они направились за сервизом.

Говорят, тот злополучный эрмитажный сервиз сыграл драматическую роль в судьбе Григория Васильевича. Когда отгремели свадебные марши и восхищенные гости разъехались по городам и весям великой страны, в Москве зарождалась одна из последних легенд советского государства. Согласно той легенде, с эрмитажным сервизом связаны неожиданная отставка и последующая опала первого секретаря Ленинградского обкома

КПСС. Романов будто бы оказался первой жертвой Ю. В. Андропова, возглавлявшего в то время КГБ и рвавшегося к вершинам политической власти. Именно тогда Ю. В. Андропов начал методично и последовательно расчищать ступени, ведущие к заветной должности Генерального секретаря ЦК КПСС. Пострадал Г. В. Романов, утверждает легенда, из-за того, что на свадьбе его дочери подвыпившие гости, среди которых, впрочем, было немало сотрудников КГБ, разбили тот пресловутый сервиз.

Остается только гадать: правда ли это, искусно использованная многоопытным Ю. В. Андроповым для устранения молодого, пышущего здоровьем «ГэВэ», или виртуозная легенда, выношенная в утробе КГБ и специально рожденная для удаления Г. В. Романова – одного из главных претендентов на высший партийный пост. Во всяком случае, более фамилия Романова на политических страницах истории никогда не появлялась.

Но мы забежали вперед. В декабре 1981 года в Ленинграде случилась легендарная история, связанная с именем писателя Виктора Голявкина. В городском фольклоре она получили название: «Второй залп “Авроры”». Скандальную славу как самому писателю, так и герою нашего очерка принес сатирический монолог-юмореска Голявкина «Юбилейная речь», которую он принес в журнал «Аврора». Монолог начинался словами: «Трудно представить себе, что этот чудесный писатель жив. Не верится, что он ходит по улицам вместе с нами. Кажется, будто он умер. Ведь он написал столько книг!» Монолог продолжался печальными и одновременно восторженными словами лирического героя: «Но он, безусловно, умрет, как пить дать. Ему поставят огромный памятник, а его именем назовут ипподром – он так любил лошадей».

Монолог был принят в печать и уже сверстан, когда в редакцию пришла срочная тассовка, напоминавшая, что советская общественность должна достойным образом отметить 75-летие генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. К подобным указаниям сверху в редакции при-

выкли, отнеслись к этому спокойно, нашли подходящий портрет юбиляра и цитату из его недавней речи. Понятно, что портрет «верного ленинца» поместили на первой странице.

Едва декабрьский номер журнала появился в продаже, как разразился невиданный скандал. По городу разнеслась весть, что это политическая провокация, подготовленная чуть ли не самим первым секретарем ленинградского обкома партии Г. В. Романовым, который таким образом якобы стремится сместить Л. И. Брежнева со своего поста и занять его место. Иначе как можно расценить появление портрета по случаю 75-летия генсека на первой странице журнала, а издательской «Юбилейной речи» какого-то Голявкина – на 75-й странице того же номера? Кто может оправдать эту чудовищную связь случайным совпадением? Тем более что этих совпадений подозрительно много. Чего стоит одна писательская профессия «юбиляра»? Еще у всех в памяти было недавнее вручение Брежневу писательского билета № 1 по случаю выхода из печати его мемуаров. Он стал первым писателем страны. Не говоря уже об откровенном намеке на любовь к «лошадям». Всем было известно увлечение Леонида Ильича – коллекционирование автомобилей. Заговорили даже о прописках КГБ, который будто бы готовит акцию по свержению Л. И. Брежнева. А инструментом свержения якобы был выбран опять же Г. В. Романов.

С большим трудом, не без вмешательства первого секретаря ленинградского обкома партии, скандал удалось замять. А ироничный ленинградский писатель Виктор Голявкин, который вряд ли пользовался эзоповым языком, а писал свой знаменитый монолог, скорее, с оглядкой на самого себя, чем на первое лицо государства, приобрел невиданную по тем временам всеобщую популярность и поистине всенародную славу.

Эпоха, верным и преданным сыном которой был Григорий Васильевич Романов, безвозвратно уходила в прошлое. Как и предсказывал, став невольным пророком, Виктор Голявкин, менее чем через год после «Второго залпа “Авро-

ры”», умер-таки Леонид Ильич Брежнев, один вид которого в последние годы удивительным образом соответствовал состоянию тления и распада всей социалистической системы. Его место последовательно занимали смертельно больные Ю. В. Андропов и К. У. Черненко.

Но еще задолго до того петербургский городской фольклор, остро почувствовав доносящийся издали запах кладбищенского разложения, создал удивительную легенду о том, как затянулась петля на тонкой шее социализма.

В том же 1981 году, когда вышел злосчастный номер журнала «Аврора», по инициативе Г. В. Романова в Ленинграде, на ул. Воинова*, был открыт монументальный памятник «рыцарю революции» Ф. Э. Дзержинскому. Авторы композиции скульпторы В. Э. Горевой, С. А. Кубасов и архитектор В. Б. Бухаев. Как обычно, при открытии памятника состоялся хорошо организованный многолюдный митинг с оркестром, лозунгами, речами, прессой и другими атрибутами того времени. Когда отговорились дежурные слова и отыграли привычные праздничные марши, наступил наконец момент рождения нового монумента. И тут, как рассказывает городское предание, произошло нечто ужасное. Когда упало белоснежное покрывало, онемевшие от изумления участники торжества увидели на бронзовой шее «Железного Феликса», как называли Дзержинского в народе, затянутый петлей кусок металлического троса, видимо случайно забытого монтажниками при установке памятника. Над площадью нависла зловещая тишина. И только через некоторое время, продолжает предание, среди растерянной толпы суетливо забегали молчаливые и деловитые юноши в штатском, высматривая и тут же конфискуя фотоаппараты, теле- и кинокамеры. Советская власть делала отчаянные и бесполезные попытки спасти свое лицо. Но время было уже другое.

О том, что времена изменились, говорит и фольклор. В то время коммунистическая партия, как никогда, испытывала почти непреодолимые кадровые трудности. После ряда смещений и назначений

первых лиц Ленинграда, имена которых навсегда канули в Лету, и след которых, как мы уже говорили, в городском фольклоре обнаружить не удалось, на пост первого секретаря обкома был выдвинут генеральный директор НПО «Государственный институт прикладной химии» Б. В. Гидаспов. О своем назначении он узнал, находясь в Москве. Тут же вылетел в Ленинград. В Пулково, у трапа самолета его окружили журналисты. «Почему выбор пал на вас, Борис Вениаминович?» – если верить фольклору, наивно спросил кто-то из них. «Но если не я, то кто же?» – будто бы бодро ответил Гидаспов.

Думал ли он о своей незаменимости, или в его ответе прозвучали едва скрываемые нотки отчаянья и безысходности, которую он каким-то образом предчувствовал, сказать трудно, но в истории Ленинграда он так и остался последним первым секретарем.

Так закончился последний пятидесятилетний период истории Петербурга. Его окончание по времени совпало с распадом Советского Союза и с появлением на политической карте мира нового государства – России.

О петербургском городском фольклоре будущего пятидесятилетия нашей истории, надо надеяться, расскажут на страницах этого журнала уже другие.

Памятник Ф. Э. Дзержинскому, открытый в 1981 г.

* Ныне – Шпалерная ул., 62. – *Ред.*

Источники фольклора

- Бахтин В. С. Есть такой анекдот // Нева. 1990. № 2.
 Веллер М. И. Легенды Невского проспекта. СПб., 1994.
 Волков С. История культуры Санкт-Петербурга от основания до наших дней. М., 2001.
 Георги И. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794.
 Горышин Г. На 75-й странице // Санкт-Петерб. панорама. 1992. № 7.
 Гранин Д. А. Наш дорогой Роман Авдеевич. Л., 1990.
 Довлатов С. Записные книжки. Л., 1992.
 Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890–1910 годов. Л., 1991.
 Караван историй. 2003. Февр.
 Карчик М. Сказка ложь, да в ней намек... // Смена. 1992. № 278.
 Петриченко О. Дамба против демократии // Огонек. 1989. № 7.
 Питерbook. 1998. № 2.
 Питерский Б. Играли свадьбу // Правда. 1989. № 209.
 Санкт-Петерб. ведомости. 1993. № 193.
 Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. М., 1992.
 Собчак А. А. Хождение во власть. М., 1991.
 Файн А., Лурье В. Все в кайф. Л., 1991.

